

20.05.2026

Империализм и международный терроризм в 21 веке: причины, цели, методы

Чтобы понять, что отличает империализм 21-го века от империализма начала 20-го, необходимо рассмотреть некоторые экономические события, которые оказывают огромное влияние на тактические и стратегические цели.

Первое крупное изменение империалистической системы правления произошло в результате волны борьбы за независимость (более или менее реальной) после окончания 2-й мировой войны. Почти везде прямое правление было заменено комбинацией компрадорства и контроля над кредитами через МВФ и Всемирный банк. Эта система претерпела обновление после и, можно сказать, с помощью кризиса в Латинской Америке в начале 1980-х годов, который стабилизировал ее на следующем этапе.

Пропаганда "климатического кризиса" была попыткой новой стабилизации, но она явно потерпела неудачу. В настоящее время можно наблюдать, как империалистические субъекты снова выходят из этих рамок, потому что они потерпели неудачу. Однако цель "климатического кризиса" заключалась лишь в том, чтобы затормозить развитие производительных сил в колониях. Основным механизмом нынешней формы империализма является своего рода рентная экономика - добыча осуществляется не сразу (хотя и существует), а в основном по таким каналам, как "интеллектуальная собственность" и т.д.

За этим стоит динамика общего кризиса. Ситуация в основном обострилась, когда в 1970-х годах был пройден пик развития автомобильного и электротехнического секторов экономики. С самого начала перед электронной промышленностью стояла основная проблема: производительность росла быстрее, чем рынки, поэтому баланс в отношении спроса на рабочую силу оставался отрицательным.

Два основополагающих замечания:

1. Основная тенденция технологического развития, которую уже описал Маркс, заключается в том, что доля постоянного капитала по отношению к переменному (часть, используемая для человеческой рабочей силы) постоянно увеличивается. Это не только основной механизм тенденции к падению нормы прибыли; это также причина того, что

относительная важность цен на сырьевые товары продолжает расти. Ведь более широкое использование машин, интенсификация труда увеличивают производство за счет расширения масштабов производства. Но при этом количество необходимого сырья является жестким. Можно сократить время, необходимое для создания автомобиля; можно заменить рабочую силу роботами и максимально интенсифицировать оставшийся человеческий труд – но вам все равно нужно для производства транспортного средства определенное количество стали, пластмасс, меди и т. д.

2. Перенос производства из центральных капиталистических стран направлен на получение дополнительной прибыли. Как правило, производство там намного ниже технических возможностей, поэтому производительные силы используются не на высоте их развития. Ключевым моментом является возможность продавать товары, произведенные там, по такой цене, как если бы они были произведены в метрополии. Это хорошо работает только в течение некоторого времени, и большая часть получаемой прибыли (например, деньги, которые покупатели на Западе кладут на стол дополнительно, потому что на этикетке написано "Nike") становится ниже ренты.

Тот факт, что старейшая отрасль промышленности, текстильная промышленность, первой сделала ставку на перенос производства, свидетельствует о том, что это развитие также связано с тенденциозным падением нормы прибыли. Дополнительная прибыль не дополняет прибыль - она заменяет ее.

В этом случае становится очевидным, почему зависимый статус стран, ставших производителями, должен быть сохранен. К этому следует добавить, что уже давно не только производство, но и значительная часть потребления осуществляется за пределами ядра. Здесь также действует модель Nike или Apple - передача прибыли в основные страны осуществляется через патенты и другую "интеллектуальную собственность". Доля этого показателя чрезвычайно высока; около 25% ВВП как в США, так и в ЕС примерно в 2018 году.

Эта структура нестабильна, отчасти потому, что рента функционирует не так скрытно, как классическое извлечение добавленной стоимости, которое использует противоречие между меновой стоимостью и потребительной стоимостью рабочей силы товара и в значительной степени скрывает это от обоих участников процесса. Напротив, рента должна опираться на открытое насилие и массовую политическую защиту; скорее, так феодальный землевладелец должен был довольно твердо отстаивать свои притязания.

В глобальном масштабе это означает следующее: извлечение ренты, которое все центральные западные страны в настоящее время практикуют в качестве основного дохода, нуждается в "кормильце". До сих пор эту функцию выполняли США. При всех политических пристрастиях и различных зависимостях в разных исторических слоях это главная причина добровольного сотрудничества европейских империализмов с США - сборщик денег незаменим, а без сборщика денег не обойтись. На примере Франции хорошо видно, как быстро это приводит государственные финансы в полный хаос.

Теперь есть центральная внутренняя проблема, которая еще больше усугубляет это и без того хрупкое положение: переход в то, что Маркс когда-то называл царством свободы. Условно говоря, максимальное сокращение общественно необходимого рабочего времени. Чтобы понять это, достаточно подумать о "теневых фабриках" Китая или об использовании беспилотников в сельском хозяйстве (что, кстати, могло бы быстро покончить с необходимостью в гербицидах).

Последствия этого события, которое сейчас является очень конкретным (и о котором в последнее время говорил один Илон Маск из всех людей), являются весьма конкретными и осязаемыми. Первое: капиталистическая система и производительные силы враждебны друг другу. Точка, в которой возникает противоречие между производительными силами и системой производства, уже пройдена. Между тем это противоречие носит антагонистический характер - сохранение производственной системы предполагает уничтожение производительных сил. Это момент, который имеет огромное значение для тактического и стратегического поведения.

И второе: империализм, как и капитализм сам по себе, страдает от того, что фонд потребления всегда, по необходимости, меньше, чем совокупный общественный продукт. Любая интенсификация труда, как только соответствующий рынок насыщается, имеет эту проблему; поэтому Роза Люксембург также пришла к выводу, что империализму нужны внешние потребители. Кстати, это именно та роль, которую Советский Союз выполнял долгое время, поэтому с экономической точки зрения ее конец был палкой о двух концах для Запада. Китай не выполняет их, потому что он экспортирует, а не импортирует.

В условиях отсутствия внешнего потребителя именно упомянутый следующий шаг в развитии производительных сил приводит к тому, что огромное количество рабочей силы

становится излишним. Соответствующие прогнозы уже делались в связи с принятым ООН более десяти лет назад документом "Индустрия 4.0". Таким образом, быстрое развитие, которое с тех пор произошло с робототехникой и искусственным интеллектом, было учтено лишь частично. В результате стало на 50% меньше работников в центральных странах и даже на 80% меньше на периферии.

Этого не происходит, потому что именно в центральных странах Запада тормозится развитие производительных сил, но как следствие происходит то, что впервые в истории классового общества правящий класс, который фактически должен был бы уступить (должен был быть вынужден уступить), больше не воспринимает людей как незаменимую рабочую силу, на которой зиждется его богатство. Напротив, простые люди рассматриваются как балласт, от которого можно отказаться, потому что правящий класс может придерживаться того же стандарта и при значительно меньшем количестве людей. Воспринимать это всерьез нелегко, потому что на протяжении многих веков люди, добычей, которую стремились захватить в войнах, человеческие ресурсы гораздо более важным фактором, чем территория. Ситуация начала меняться еще во время Второй мировой войны, но сейчас это очевидно - и находит отражение в тактике ведения войны. То, что делают с Ливией и Сирией, долгое время было экономически неэффективным и, с точки зрения "классического" империализма, абсолютно иррациональным, потому что в этих условиях невозможно даже разумно добывать сырье - и все же такой способ превращения стран в зоны долговременного нефункционального хаоса - это именно то, что это уже практиковалось во многих местах и будет практиковаться и впредь.

Последствия этого, возможно, наиболее очевидны, если представить, что Мария-Антуанетта обладала бы ядерным оружием и что штурм Бастилии уже состоялся. Могла ли она удержаться от того, чтобы использовать его против тех бесчисленных людей, которые в ее глазах все равно не были настоящими людьми? Могла ли перспектива погибнуть при этом самой удержать ее от этого шага?

Какие выводы можно сделать из этого?

1. Видимость превосходства США должна быть сохранена любой, еще раз, любой ценой. За это правительства остальных империалистических стран будут навязывать своему населению все, что угодно, даже за гранью того, что оно готово вынести. Потому что видимый конец этого господства означает и для них прекращение доступа к ренте.

2. Противоречия внутри этих империалистических стран обостряются, поскольку рентная система - и вызванная ею дальнейшая концентрация капитала - привели к тому, что лишь небольшой сектор буржуазии сосредоточил политическую власть. Процесс выравнивания средней прибыли в рамках капиталистического производства, по крайней мере, частично приостановлен, решения принимаются в интересах высших слоев капитала, а значит, противоречия внутри буржуазии также чрезвычайно обостряются. Это выгодно с точки зрения политики Народного фронта, невыгодно с точки зрения тенденций к фашизму, которые в результате также значительно усиливаются. Формулировка ЕККИ - "наиболее агрессивные, шовинистические, империалистические слои капитала" уже указывает на эти противоречия; сегодня это проявляется еще более ярко.

3. Действия основных игроков действительно преследуют эти цели, причем довольно безрассудно, но в то же время существует сильная иррациональная тенденция. Почему? По крайней мере, после кризиса финансового рынка 2008 года и последовавшего затем количественного смягчения прибыль за счет спекуляций и рентной экономики в значительной степени отделена от реального производства. Этот период продолжается уже достаточно долго, и те, кто сегодня принимает решения, даже не застали рационального капиталистического производства и его правил игры, не говоря уже об эпохе, предшествовавшей началу волны спекуляций, начиная с середины 1970-х годов, до утверждения господства неолиберальной идеологии. Они верят, что деньги генерируют деньги, потому что с их точки зрения это выглядит именно так.

Результатом этого является абсолютное безрассудство, о чем свидетельствует поддержка течений, которые можно назвать не иначе "культом смерти", таких как Хабад Любавич. Это безрассудство существует не только по отношению к населению стран, рассматриваемых как объекты воображаемого завоевания, но и по отношению к своему собственному.

Эта сила должна пасть.